

ЕВРОПА, ВОСТОК, ИСЛАМ

Задачей именно историков, скорее, чем политологов или других аналитиков, является пытаться понимать события и ситуации, обращаясь к прошлому и устанавливая связи с настоящим. И их упущение в том, что не осмеливаются идти далеко назад во времени, и эта близорукость более чем очевидна, когда речь идет о Среднем Востоке и его древнейших отношениях с Европой. Немногие сегодня допускают, что Европа и, следовательно, Запад возникли на Среднем Востоке и признают это лишь когда вспоминают об иудейско-христианских корнях, о которых много говорится. Но гораздо более важными являются языческие корни Европы, которые восходят к самым отдаленным временам, между мифом и доисторическим периодом.

Согласно некоторым исследованиям¹, слово «Европа» на аккадском языке четыре тысячи лет назад означало просто «запад», заход солнца. Италия же была отдаленным регионом Запада. Мы представляли из себя периферию Среднего Востока.

Мы также в большом долгу перед Фернаном Броделем, который нам напомнил о том, что хорошо знали еще римляне, а до них греки, финикийцы, египтяне: Средиземное море есть не море, а озеро, где войны и торговля всех типов всегда сосуществовали, и торговля продолжалась даже во время войны. Память древних и тесные связи с Востоком были устранены еще во времена греков, которые, как говорит Платон в «Тимее», были «детьми, забывшими свое прошлое». Они предпочитали игнорировать прошлое, в сильнейших усилиях победить угрозу со стороны Персии всеми доступными средствами, в том числе и гордостью от желания быть в культурном плане выше Востока, который угрожал перевернуть их.

Сегодня термин «Средний Восток» является на самом деле довольно неточным и должен был бы обозначать по крайней мере три региона. Средиземноморский Средний Восток, который может включать также и Иорданию, и всегда был связан со Средиземноморской Европой, как два края одного и того же водного зеркала, объединенного римлянами. Даже арабское завоевание Северной Африки, Сицилии и Испании, или османское наступление, достигшее Вены, могут быть расценены как попытки объединить бывшее *mare nostrum*, только начиная с востока, а не с запада.

Далее, существует внутренний Средний Восток – Месопотамия, Арабский мир, Персия, с разнообразной историей, море песка со сложнейшей навигацией в нем, как во время войны, так и во время мира. И, наконец, есть

Доклад на конференции «Трансформация мировых систем: тенденции и поворотные пункты», Москва, МГИМО (У) МИД РФ, 27 – 28 октября 2003 г. Перевод с итальянского языка Е.Н. Котельниковой.

¹ Semerano G. *Le origini della cultura europea. Rivelazioni della linguistica storica*. Vol. I. Firenze, 2002

внешний Средний Восток, далекий, с мусульманскими государствами, близкими к Индии, и сама Индия Великих Моголов. Единственное, что объединяет все три региона – Ислам, но быть мусульманином на берегах Средиземноморья достаточно сильно отличается от того, как быть им в Саудовской Аравии или в Пакистане, и европейцы должны были бы чаще вспоминать об этом.

С эпохи Возрождения и позднее Средний Восток воспринимается европейцами как мир в состоянии упадка, пространство, которое нужно занять, используя растущее технологическое и военное превосходство. Часто упадок Среднего Востока путают с упадком Османской империи, который мы условно можем отнести в миру в Карловце (1699). Но более ранним и намного более значимым для сегодняшних событий является упадок арабского мира, завоеванного османами, которые превосходили арабов в военном и политическом плане, но были ниже их в плане культурном, уже в начале XVI в. Именно с того времени арабский мир чувствует себя униженным со стороны внешних сил, османских сначала, хотя по крайней мере и мусульманских, и европейских позднее, которые после завершения Первой мировой войны через систему мандатов сводят на нет стремления к независимости и политическому и культурному возрождению.

Глубокий антагонизм между арабами и турками должен был бы более существенно принят во внимание в Европейском Союзе, когда идет речь о возможном вступлении Турции в ЕС. Данная идея не очень нравится европейцам, но еще менее она нравится арабским странам, которые понимают, что Турция как член ЕС не поможет арабскому миру и, возможно, будет, прямо или косвенно, негативно влиять на его интересы и стремления.

XX век был свидетелем того, как Европа и потом США обуславливали жизнь в целом регионе, не будучи заинтересованными в понимании его истории – за исключением англичан, которые зачастую демонстрировали умение в использовании прошлого для манипуляций с настоящим – и демонстрируя значительную близорукость в отношении будущего. Анализ недавних конфликтов в регионе и делящегося уже век арабо-израильского противостояния, как правило, основан на политических аргументах, которые представляются поверхностными и неспособными учитывать возрастающие аспекты прошлого и настоящего. Экономические аргументы, связанные, главным образом, с вопросом нефти, также представляются инструментальными, в особенности относящимися к внутренней политике западных держав, внимательных лишь к проведению очередных выборов и к движению собственных экономических показателей. Никто на самом деле не уделяет внимания единственному инструменту познания, который может предсказать будущее или, по крайней мере, его самые важные тенденции, направления, к которому оно идет – речь идет о демографии региона. О демографии, понимаемой не как статистическая картина настоящего, а как наука, способная сделать прогноз о составе населения на период не больше 25 лет – вечность в современном мире – и способная быть безошибочной в отношении периода протяженностью в 5-10 лет. Демография – это наука, слепая перед лицом непредвиденных катастроф, которые могут перевернуть жизнь в одной или более

стран, как например войны или эпидемии, но она может нам сказать, что происходит в этих странах сейчас, и что произойдет завтра.

На Среднем Востоке имеет место высочайшая процентная доля детей и молодых людей. В таких странах, как Иран, Алжир, Саудовская Аравия более 70 % населения составляют люди моложе 30 лет. Это страны молодых или даже очень молодых людей, где впервые имеется доступ к образованию, более высокому по уровню, чем образование предыдущих поколений.

Более того, и это культурная и социальная революция, многие девушки посещают школу и далее университет, и причины этого зачастую очень интересны. В Иране, например, находящиеся у власти аятоллы, которых обычно считают недалекими консерваторами, решили много лет назад сделать все возможное, чтобы помочь девушкам посещать университет, где их количество часто превышает количество молодых людей. Причина этому есть чистый демографический расчет: известно, что уровень роста рождаемости зависит от экономических условий и женского образования. Чтобы увеличить уровень развития, необходимо либо повысить доход семей, что, очевидно, является очень сложной задачей, либо отправить девочек учиться. Аятоллы сумели всего за десять лет сократить наполовину число детей у одной женщины, и без принудительных мер, как в Китае или Индии. Настоящее социальное чудо.

Как будто этого мало, на всем Среднем Востоке, множество молодых людей не только вошли в мир СМИ, но и учатся использовать инструмент, чье воздействие сможет быть оценено лишь через поколение, – интернет.

Если соединить все эти элементы: высокое число молодых людей, растущий уровень образования, доступ к СМИ и интернету, можно увидеть в будущем измененный и революционный Средний Восток, с последствиями, которые невозможно оценить. Но предсказания демографии не заканчиваются на этом и говорят нам, что через несколько десятилетий население стран Среднего Востока также постареет и станет политически стабильным, и уже они будут привлекать иммигрантов из более молодых и бедных районов, из Африки и некоторых частей Азии².

И в подобной ситуации именно мы, жители северного берега Средиземноморья, должны будем спросить себя, каким образом мы будем себя вести с этой массой детей и молодых людей, и как мы намерены помочь им достичь достойного уровня развития и условий стабильности. Стабильности их и нашей.

Любой ошибочный шаг сегодня, каких уже было немало, будет иметь умножающий эффект влияния на их и на наше будущее. Одной из наших самых грубых ошибок является значительное смущение, которое вызывает у нас ислам. Мы не хотим понять, что, в своей сущности, ислам – консервативная религия, которая в прошлом доказывала свою толерантность. Со времен арабского завоевания до конца XVIII в. человек, бывший евреем, еретиком или не принятым в так называемом христианском мире, часто находил в исламе арабов или османов пространство для выживания и достойной жизни, далекой от судов, костров и истребления. Правдой является, что в исламе представлены также воинствующие и революционные компоненты, как, например, ваххабизм

² La Repubblica. 2002. 3 giugno.

(суннитский), иконоборческое движение, возникшее в Аравии и значительно выросшее благодаря недавним войнам в Афганистане. Но к ваххабизму со страхом относятся многие мусульмане, на Среднем Востоке и за его пределами, которые не усматривают в нем истинного духа послания Пророка.

Шииты также имеют плохую репутацию на Западе, и мы забываем о том, что они представляют собой легитимистскую ветвь ислама и что их культурный и социальный профиль лучше (согласно нашим стандартам), чем у суннитов. Если мы думаем о том, что шииты в последние десятилетия превратились в опасно воинствующих, нам также необходимо вспомнить о том, что они чувствовали угрозу их национальному и религиозному самоопределению, как со стороны представителей Запада, так и от мусульман и видели, как ими управляют западные интересы, что в полной мере доказывает история Ирана за последние 60 лет.

Исламскому миру мы ставим в упрек отсутствие разделения политики и религии, медленный процесс, который в Европе начался еще с Французской революции и бесчисленное множество раз откатывался назад. Религия и политика не могут быть разделены ни мечом, ни внешним воздействием, они должны найти собственное равновесие, в каждом обществе в свое время и своим способом, исходящим изнутри.

Свобода личности, права меньшинств также являются знаменами, которыми любит размахивать запад, часто с помощью оружия, осуществляя своего рода крестовый поход. Мы не понимаем, что другие культуры могут найти другие пути, и что в исламской концепции общины (уммы) нужно видеть не неизбежное противопоставление индивиду, а среду, которая может защитить его, особенно когда социальное государство не может выполнить свою функцию. В самом деле, в западной культуре также идет речь о возрождении понятия общины с целью противопоставить её либерализму и капитализму без тормозов, которые могут ограничить или напрямую разрушить те самые свободы индивида, которые призваны защищать.

Европа может быть идеальной лабораторией для политического развития ислама, если исламские общины Европы смогут найти атмосферу, подходящую для выработки двух культур, но только при условии, что будут созданы необходимые условия, экономические, социальные, культурные, что все откажутся от взаимных попыток ксенофобии и будет поиск моделей добровольной интеграции. Мусульмане Европы в своей среде имеют элементы, которые противятся этому процессу, но в большинстве своем они хотят найти собственную модель, без принуждения. И результаты будут видны следующему поколению. Диверсификация ислама в процессе неконфликтных контактов с европейской культурой могла бы создать условия для возрождения арабского мира и, следовательно, для стабильности на Среднем Востоке с положительным влиянием на весь мусульманский мир и на весь мир вообще.

Похожий процесс, сегодня практически забытый, произошел в иудаизме, который эволюционировал от племенного культа до универсальной религии и имеет в своей среде ультраортодоксальных и ультралиберальных его приверженцев, и все они толкуют и остаются верными Законам Моисея.

Значительная часть этого процесса происходила за пределами территории Израиля, в бассейне Средиземного моря и в Европе, благодаря поколе-

ниям раввинов, которые жили вне еврейской атмосферы и толковали и еще раз толковали, комментировали и применяли, пытаясь найти подходящие ответы на всегда разные обстоятельства, в часто враждебной им среде, сохраняя веру и соблюдение норм. Одной из самых привлекательных характеристик Талмуда и последующих текстов является богатство мнений и взглядов, часто противоречащих друг другу, и формирование согласия, в диалектическом контексте, которое сохранило иудаизм живым и плодородным через страшные тысячелетия ссылок и преследований. Ничего похожего не происходило в христианстве.

Парадоксально то, что главным вызовом для иудаизма стала встреча с сионизмом, с природой Израиля, где иудаизм является государственной религией или, лучше сказать, религией государства евреев, между прочим созданного практикующими социалистами антиклерикалами. Многие евреи, светские или приверженные религии, в Израиле или за его пределами, имеют много вопросов по поводу отношений между религией и политикой в Израиле, и многие идеалы отцов-основателей оставили возможность для политического выбора слишком близкого требованиям самых ортодоксальных элементов, которые и определяют жизнь, как светского населения, так и умеренных верующих.

По поводу такого сложного и деликатного аспекта, как отношения между политикой и религией, Запад и, в особенности, Европа могут предоставить Среднему Востоку некоторые идеи, некоторые указания и технологию, которая их приводит в жизнь, давая возможность им самим развиваться в свое время и в своей манере. Например, присудить Нобелевскую премию мира женщине, которая в Иране в качестве адвоката борется за уважение прав человека и называет себя практикующей мусульманкой, было отличной идеей, которая может положить начало реакции, похожей на ту, что последовала за избранием польского Папы. Это события, которые работают на время и могут повлечь эпохальные изменения.

Другим мощным и почти невостребованным инструментом перемен является «Arab Human Development Report»³, подготовленный Программой Развития ООН, подошедший к своей второй годовщине с исследованием под блестящим заголовком: «Построение знающего общества». Предыдущий доклад исследовал тему не менее важную, «Создание возможностей для будущих поколений», и его скачали из сети интернет более миллиона человек только в арабском мире, тем самым положив начало беспрецедентным дебатам. Таким образом, сегодня в Саудовской Аравии идет речь о некоторых выборах, возможно только административных, так, для начала. И в Сане в январе 2004 г. проводится конференция по вопросам демократии, прав человека и роли Международного Уголовного Суда, в которой участвуют большинство арабских стран.

Если некоторые аспекты демографии и культуры Среднего Востока представляются положительными, то опасность происходит из конфликтов, эндогенных или привнесенных.

Самым тревожным является конфликт между израильтянами и палестинцами, потому что внешне объектом конфликта называются владение землей и безопасность, но в реальности это конфликт идентичности и, в особенности, пере-

³ <http://www.undp.org/rbas/ahdr>

определения еврейско-израильской идентичности. Основные позиции касаются самого определения еврейского государства и возможного конца сионизма. Государство Израиль возникло из длительного противостояния с палестинцами за приобретение и защиту тех земель, на владении которыми была основана идея государства Израиль. Отсюда вытекала мысль, что оборона земель могла привести, в режиме открытой войны, к контролю над дополнительными районами. Это имело место уже в 1948 г., когда границы Израиля стали более защищенными, и вследствие этого расширенными, что спровоцировало массовый исход палестинцев. После войны 1967 г. было принято решение о присоединении Голанских высот и области Иерусалима, в то время как Сектор Газа и Иордания, так и не присоединенные по очевидным причинам, были подвергнуты, прежде всего, начиная с правительства М. Бегина 1977 г., целому комплексу мер по контролю за территорией, ресурсами, развитием⁴. Но даже без присоединения территорий в Израиле выросло процентное соотношение – сегодня это 19 % – граждан арабского происхождения, которое будет увеличиваться в любом случае, так как демографический прирост в их среде более высокий, даже без возможного формального присоединения районов, населенных в большинстве палестинцами. Демографические тенденции указывают на то, что лишь непредвиденные обстоятельства и катастрофы могут изменить данную перспективу.

Но движение сионизма возникло ради создания, на израильской земле, государства евреев, и сегодня в стране на умеренных тонах ведется обсуждение сложного и деликатного вопроса: является ли Израиль государством евреев, или государством израильтян, то есть всех израильтян, в том числе и граждан Израйля арабского происхождения? Это государство еврейского большинства, или оно способно признать политическую, экономическую и культурную полноту прав растущего арабского меньшинства в процессе определения идентичности государства, которое, таким образом, стало бы бинациональным или мультикультурным? Очевидно, дискуссия развивается под влиянием событий в рамках конфликта с палестинцами, но она сама по себе независима и, если был бы установлен мир, она бы приобрела немедленную и первостепенную значимость.

За рамками этого обсуждения этого аспекта прячется другой, связанный с первым и почти скрытый: движение сионистов прекратило существование?⁵ Или оно может продолжаться, настаивая на исключительном праве евреев на свое государство и, следовательно, на ограниченные права других народов в государстве? Сионизм – это до сих пор *возможность*, или он стал *иллюзией* или даже *опасностью*?

Опасность не только и не столько другого конфликта, непредвиденного и неконтролируемого в сегодняшней среде Среднего Востока, но, прежде всего, опасность создания все более сложных условий внутри Израиля, в политическом, экономическом и социальном смысле, с ослаблением страны и медленной деградацией во всех секторах, как уже доказали годы второй интифады.

Израиль горд своим званием единственной демократии на Среднем Востоке (с возможным несогласием с этим тезисом турков), но это демократия, ослаб-

⁴ Halper J. // Segev T. et al. The Other Israel. New Press, 2002

⁵ Burg A. The end of Zionism? // International Herald Tribune. 2003. September 6.

ленная по основным пунктам и не только в том, что касается граждан арабского происхождения или палестинцев под израильским контролем. Темой менее обсуждаемой, но, возможно, более значимой является проблема гражданских прав в Израиле даже среди еврейского большинства, когда определение статуса индивида соответствует канонам религии, и сложные отношения между синагогой и государством создают неприятные ситуации и приводят к урезанию прав большого количества граждан, питают недовольство среди широких слоев населения и, учитывая законы демографии, угрожают ухудшением в ближайшем будущем.

Многие израильтяне сегодня ждут широкого и публичного обсуждения этих вопросов, углубленного переосмысления фундаментальных тем и многие, сторонники светской жизни, но и приверженцы религии, вспоминают, как иудаизм именно в ссылке достиг необычайного этического уровня, во время насильственного отделения от государства и что иудаизм в Израиле часто терпит бедствия от сосуществования с необходимыми компромиссами в политике. Эта тема вызывает огромное внимание во всем иудейском мире за пределами Израиля и обозначает отношения с диаспорой.

Разумеется, конфликт с палестинцами осложняет эти проблемы, в особенности потому, что скрывает многие из этих тем за поиском условий для безопасности, но ключевые пункты остаются на поверхности: что важнее, земля или мир? И какое будущее Израиль видит для себя, медленный и неконтролируемый конфликт или болезненное, но реалистичное решение?

Земля не была священной для Теодора Герцля, скептически относившегося к идее создания Сиона в Сионе, а не, к примеру, в Уганде. Насчет этого, он был совсем не прав, учитывая центральное положение земли Израиля в установлении еврейской идентичности. Но он был практическим идеалистом, ненавидел политические интриги и имел счастье умереть молодым, оставив, в одном из своих последних писем, четкую рекомендацию: не делайте глупых ошибок, когда я умру⁶.

Израиль в разное время заключил мирные договоры с наиболее важными соседями, Египтом и Иорданией, и сегодня существует основа для договора с Сирией, которая больше не представляет военной угрозы, но не может отказаться от всех Голан. Самым сложным является мир с палестинцами, который требует переосмысления всей израильской политики. В конце 2000 г., по мнению правительства Э. Барака, провалились переговоры в Кэмп Дэвиде, несмотря на то, что Израиль был готов вернуть палестинцам чуть ли не 97 % оккупированных территорий⁷. Без учета других вопросов (беженцы, Иерусалим), данное щедрое предложение не было правдой⁸, но Эхуд Барак убедил в этом израильское общественное мнение, которое хотело верить ему и которое осталось разочарованным от того, что казалось необъяснимым отказом палестинцев.

⁶ Cit. in: Elon A. Esraelis and Palestinians: What Went Wrong? // The New York Review of Books. Vol. 49. N. 20. 2003. December 19.

⁷ Карту с иллюстрацией предложений израильтян в Кэмп Дэвиде см. Le Monde Diplomatique. 2002. Dicembre

⁸ Первые две израильские карты на самом деле были представлены палестинцам во время встречи в Табе в январе 2001 г. См. заметки Мигеля Анхеля Моратиноса, посланника ЕС на Среднем Востоке, опубликованные в газете «Haaretz» (14.2.2002)

Одним из характерных аспектов политики Израиля, который видит себя окруженным врагами или «холодными друзьями», как определяются Египет и Иордания, является отношение к США как к союзнику, более того, как к лучшему союзнику из возможных. Это было правдой в прошлом и принесло ценные плоды – такие, как мир, подписанный в Кэмп Дэвиде с Анваром Садатом, при посредничестве Дж. Картера, или деятельность У. Клинтона по поводу соглашений с палестинцами и договор, подписанный с королем Хусейном в 1994 г. Но даже тогда это был абсолютно непропорциональный союз, между сверхдержавой с глобальными интересами и маленькой страной, которая, несомненно, была региональной державой, но даже таковой была благодаря существенной военной помощи со стороны американцев. Несомненно, что сверхдержава воспринимает маленького союзника как вспомогательного в собственных интересах, как инструмент, и малые государства, которые считают себя независимыми в подобных обстоятельствах, выказывают свою наивность. Во внешней политике никогда не бывает актов благотворительности, никому.

Как и любой более или менее формальный союз, этот союз базируется на четких интересах, но необязательно на интересах неизменных.

Речь идет о политических и военных интересах определяющих для сегодняшнего устройства в регионе и хорошо известных, но один аспект заслуживает большего внимания, так как, в очередной раз, есть риск пройти по заминированному полю, где смешиваются религия и политика. Евангелический мессианизм в Соединенных Штатах представляет собой важный политический фактор, особенно в некоторых штатах, и его основой является абсолютная уверенность, что Иисус Христос, Мессия христиан, вскоре вернется, и его возвращение будет предвещено войнами и катастрофами, которые перевернут Израиль. Евангелический мессианизм носит антисемитский характер, но не выступает против Израиля явно и ждет и даже молится о начале великой войны во имя Бога и не очень беспокоится о возможных последствиях, которые, в любом случае, есть Божья воля⁹. Американские евангелисты поддерживают самые непримиримые стороны израильской политики, крайне правые силы, и правительство Израиля любой политической принадлежности, вместо того, чтобы считать это полезным участием союзников, должно решительно отвергнуть поддержку подобного рода и идеи американских правых радикалов, которые являются частью этой поддержки. Это не *Realpolitik*, а дорога к безумию.

Если Израиль чувствует себя окруженным врагами и сомнительными друзьями, учитывая географическую отдаленность от американских союзников, сама логика подсказывает, что он должен был бы иметь хорошие отношения с Европой. Европейские корни Израиля являются очень сильными, даже если они отравлены воспоминаниями об ужасах, неоспоримыми и устойчивыми. Как вспоминает Амос Оз в своей последней книге¹⁰, когда Европа была раздроблена на различные королевства и княжества, находившиеся в постоянной войне между собой, лишь евреи были единственными настоящими европейцами, с чувством идентичности и культурой, превосходившими жесткие границы и передвигавшимися в

⁹ Синтез этих движений см.: Naso P. I crociati dell'apocalisse: teopolitica dei fondamentalisti evangelici americani // Limes. 2002. N 4.

¹⁰ Oз A. Una storia di amore e di tenebra. Roma: Feltrinelli, 2003.

изначальных размерах Европы. История Европы и история еврейского народа очень тесно связаны в добре и, прежде всего, в зле уже более чем два тысячелетия.

Для Израиля является причиной большой горечи, что так много европейских государств проводят проарабскую или пропалестинскую политику, которую можно объяснить только экономическими интересами. Случается также, что, время от времени, как в Израиле, так и в Европе, кто-нибудь поднимает вопрос о вхождении Израиля в Европейский Союз. В идеальном мире такое событие имело бы логически законченную направленность, это представлялось бы как возвращение во второй дом, но Израиль не может войти в Союз или, по крайней мере, не может этого сделать в одиночестве.

Одним из основополагающих принципов сионизма было возвращение на землю патриархов, в Эрец Израэль, то есть на Средний Восток. Отцы основатели государства, все европейцы, более того, ашкенази, несли с собой часть Европы, восточную часть – не самую лучшую, – но европейцы основательно намеревались создать «туземное» государство. Целью движения сионизма было вновь обрести средневосточные корни, оживить их и преодолеть ситуацию ссылки, забыть Европу и ее ненависть.

Точка зрения арабов была диаметрально противоположной: Израиль, до и после 1948 г., воспринимался как искусственное создание европейских евреев, опиравшихся на европейские или, как бы то ни было, западные державы, забывая, таким образом, о решающей роли Советского государства в рождении Израиля.

Более того, как было принято считать в 1970-е гг., Израиль был колониальным государством, похожим на те, что рождались после крестовых походов, и продержится он также меньше века и будет сброшен в море как инородное тело.

Конечно, вхождение Израиля в ЕС поведет за собой соблюдение жестких критериев принятия, которые затронут также и очень деликатный вопрос о статусе личности и о гражданских правах, но оставим эти аспекты в стороне и посмотрим на эту перспективу в плане теории: является абсолютно возможным, что Израиль станет партнером или страной-членом, но не в одиночку, а с другими странами Среднего Востока, с арабскими странами. На самом деле, вхождение Турции, страны не очень популярной в арабском мире и известной своими связями с Израилем, будет иметь иное воздействие. Необходимо любым способом избежать, чтобы в арабском мире усилилось отчетливое ощущение, что Израиль вовсе не является государством Среднего Востока и что, следовательно, будет логичным считать его временным образованием. Европа может многое сделать в этом направлении.

Таким образом, мы возвращаемся к идее центральной роли Средиземного моря как озера мира, мультиэтнического и мультикультурного на двух противоположных берегах, как элемента политического объединения, который связывает Европу со Средним Востоком и берет силу из различности своих компонентов. Переосмысление прошлого должно иметь целью приход к новому Среднему Востоку и к новой Европе.